

**ЭВОЛЮЦИЯ ЕДИНИЦ АНАЛИЗА ПОВЕДЕНИЯ В БИХЕВИОРИЗМЕ:
УОТСОН, КАНТОР, СКИННЕР**

В статье описывается эволюция единиц анализа поведения в бихевиористских концепциях Уотсона, Кантора и Скиннера. Помимо этого вопроса также исследуется сам феномен поведения. Категория «поведение» соотносится с другими категориями (такими как активность и деятельность).

Ключевые слова: поведение, радикальный бихевиоризм, интербихевиоризм, активность, деятельность, рефлекс, оперант, Скиннер, Уотсон, Кантор.

Бихевиоризм доминировал в психологии почти пятьдесят лет, а потому существует множество его разновидностей, что делает невозможным рассмотрение эволюции всей бихевиористской парадигмы в рамках одной статьи. Поэтому мы сосредоточимся на анализе некоторых *нементалистских* версий бихевиоризма. Любая теория, включающая ментальные феномены, не сводимые к поведенческим, пусть и скрытым, состояниям, лишь условно может быть названа бихевиористской, и, по большому счету, если и является таковой, то лишь в методологическом аспекте. В этом плане возникшие в русле необихевиоризма схемы, включающие промежуточные переменные (например, когнитивные карты), в рамках данной статьи не представляют значительного интереса.

В статье анализируются концепции Дж. Б. Уотсона, Дж. Р. Кантора и Б. Ф. Скиннера. Сосредоточенность именно на этих вариантах бихевиористской парадигмы обусловлена тем, что их концептуальные положения обуславливают достаточно различные модели поведения, являясь в то же время нементалистскими. Но для начала обратимся к самой категории поведения.

Поведение как научная категория

Поведение – это одно из ключевых понятий для бихевиоризма. На протяжении не-

скольких тысячелетий (вероятно, что с того самого момента, как возник *человек разумный*) велось множество как систематических, так и бессистемных исследований особенностей человеческого поведения. Философы и писатели, психологи и экономисты, военные стратеги и учителя пытались ответить на вопрос, почему люди *делают* что-то, как они это *делают* и зачем. Проблема эта настолько сложна, что для анализа человеческих поступков помимо относительно недавно возникшего понятия «поведение» привлекались и другие категории, среди которых и «деятельность», и «активность». Задача данного раздела статьи состоит в кратком анализе этих понятий (поведение, активность, деятельность) и отношений между ними.

Как и многие другие понятия, обладающие сложным содержанием, категория поведения многозначна, в связи с этим и термин «поведение» имеет различное употребление. Когда говорят о поведении, могут иметь в виду как поведение того или иного отдельного индивида, так и поведение определенного множества – биологической популяции, социальной группы и т. д. Нередко термин «поведение» употребляется применительно к объектам любого уровня организации – человеческого общества, органического мира и даже неорганической природы. Так, в естественных науках часто можно встретить упоминания о поведении в тех или иных условиях элементарной частицы

и т. д. Тем не менее отечественные философы отмечают, что «о поведении неорганических объектов (например, электрона, планеты, машины и т. п.) можно говорить только условно, метафорически» [Философский энциклопедический словарь, 1983. С. 504].

Поведение изучается различными науками: биологией, психологией, социологией, этологией, бихевиорологией и т. д. Но развернутые представления о поведении сложились в науке по существу лишь в XX в., прежде всего, как отмечает Э. Г. Юдин [1997], в *концепции бихевиоризма*. Для Уотсона, основателя бихевиоризма, чье понимание поведения – наряду со Скиннером и Кантором – станет предметом анализа в следующих разделах статьи, поведение отождествлялось, по сути, с действиями организма, которые можно наблюдать. Близко к этому и психоаналитическое решение, согласно которому поведение составляют «доступные наблюдению образ действия или манера вести себя» [Психоаналитические термины..., 2000. С. 140].

В отечественной традиции, однако, сложилось принципиально иное представление, часто включающее целесообразность, сознательность и т. д. Приведем несколько определений.

Поведение – система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых сложным (обладающим организацией) объектом; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту и требующей его взаимодействия с окружающей средой [Новая философская энциклопедия, 2001. Т. 4. С. 253]; «...поведение в подлинном значении слова может предполагать только достаточно высокий уровень активности и связано с целесообразностью... Проявляясь в определенных поступках, поведение [когда речь идет о человеке] не сводится лишь к “внешнему действованию”» [Демин, 1984. С. 15–16].

Отечественные исследователи, критикуя бихевиоризм за упрощенный и механистический подход, при котором из поля зрения выпадает всё то, что «находится между полюсами стимула и реакции и что *фактически формирует поведение* (курсив наш. – А. Ф.)» [Там же. С. 16], призывают исследовать так называемые промежуточные переменные. Поскольку далее будут рассматри-

ваться воззрения американских ученых, здесь нельзя не упомянуть о «русском пути» в науках о поведении. Вот что пишет М. Г. Ярошевский: «Это слово [поведение] давно бытовало в русском языке – по меньшей мере с пушкинских времен. Но значение и прочность научного термина оно приобрело в начале XX в., после того как запечатлело драматизм поисков и открытий особой исследовательской области, отличной от нейрофизиологии, с одной стороны, и от психологии сознания – с другой. Поведение как категория научного мышления было творением русского ума. Приобрело же оно всеветную популярность вскоре после стремительной экспансии американской версии о нем, известной под именем бихевиоризма. Эта версия, отличная от пионерских идей русских исследователей, была тем не менее вдохновлена и подготовлена ими» [Ярошевский, 1995. С. 5].

Ярошевский говорит о том, что предпосылки к появлению понятия о поведении содержались в физиологии (ученые, которых здесь следует упомянуть, – это, конечно же, И. П. Павлов и И. М. Сеченов). Но особенности «русского пути» были определены все же трудами психолога Л. С. Выготского. Он разрабатывал свою теорию поведения под влиянием диалектического материализма. Ключевой здесь выступила идея о том, что существует особое «внутреннее» поведение, которое не является духовной или нейрофизиологической сущностью, но представляет всего лишь мир интериоризованных внешних движений, а потому должно описываться не в виде ментальных функций или процессов нервной ткани, а в виде актов поведения, обретших внутреннее бытие взамен внешнего. Тем самым Выготский формировал психологию, качественно отличную от науки о сознании или о душе.

Таким образом, сознания как определенной категории, как особого способа бытия не оказывается. Оно оказывается очень сложной структурой поведения [Выготский, 2000. С. 248].

Ярошевский, однако, правильно указывая на историческое первенство русской мысли в данном вопросе (что, вероятно, не так уж важно), не смог понять, что Выготский был все же достаточно близок к радикально-бихевиористскому подходу Б. Ф. Скиннера. Ошибочно понимая весь бихевиоризм исключительно как уотсонов-

ский, Ярошевский пишет: «Постулат непосредственности был главным догматом как интроспективной психологии сознания (основа знания – непосредственно зримый факт сознания), так и бихевиористской теории поведения (единственно достоверное – непосредственно зримый факт внешнего поведения). Те, кто продвигались русским путем, не приняли этот постулат... Редукция поведения к отношению “стимул – реакция” привела к представлению о том, что это отношение – [эквивалент] строго научной психологии... Психология, как было сказано о ее последнем лидере Б. Скиннере, превратилась в науку о “пустом организме”. Но это уже был нерусский путь» [Ярошевский, 1995. С. 18].

Скиннер, однако, всегда подчеркивал то, что существуют *личные события* (часть из которых может быть понята как интериоризованное внешнее поведение), недоступные для публичного наблюдения. Это важное отличие радикально-бихевиористского понимания поведения от других бихевиористских подходов, к сожалению, до сих пор часто обходится вниманием.

Значительный интерес представляет сопоставление категории «поведение» с родственными понятиями – «активность» и «деятельность». Поскольку эти понятия также весьма сложны и поддаются множественным трактовкам, выскажу здесь только несколько соображений, чтобы в первом приближении зафиксировать отношения между ними.

Активность по отношению к поведению выступает родовым понятием. Она лежит в самом фундаменте материи (в принятии этого тезиса, вероятно, одно из главных отличий диалектического материализма от материализма механистического), выражая ее способность к количественным и качественным изменениям. При этом активность в неживой природе выступает в качестве своеобразной базы для эволюции активности биологических систем, всегда выражается в действиях и, как пишет Демин [1984], иначе выразиться не может, потому что сама есть не что иное, как известная совокупность действий.

Отношение понятий «активность» и «поведение» достаточно сложное. С одной стороны, если под активностью понимать действие, обусловленное причинами, носящими внутренний характер [Там же], а под пове-

дением – реакции, находящиеся под контролем внешней среды [Watson, 1913], то отношение между ними будет сведено к оппозиции «активное – реактивное». Но если поведение трактуется как система действий биологического организма, детерминированная как внешними (среда), так и внутренними факторами (физиологические процессы, например), то их противопоставление будет некорректным. Понятие «поведение», как нам кажется, отражает как активные, так и пассивные проявления организма.

Понятие «деятельность», которое в отечественной психологии часто понимается как целесообразная активность, также соотносится с понятием «поведение» неоднозначно. Демин утверждает, что «поведение представляет собой внешне наблюдаемую систему действий» [Демин, 1984. С. 21], а деятельность «обнимает всю совокупность целесообразных действий – как внешних, так и внутренних» [Там же]. Полагаем, что с точки зрения радикального бихевиоризма такое их соотношение некорректно, поскольку, как уже указывалось, поведение не сводится к наблюдаемым феноменам.

Юдин считает, что различие между деятельностью и поведением проистекает из специфики поведения человека по сравнению с поведением животных, определяемой его сознательностью: «Поведение выступает как внешнее выражение предметной деятельности. Понятие деятельности включает в себя психическую активность отражения... подчеркивает... целесообразную организацию системы действий... Понятие поведения используется при характеристике не всегда осознаваемых форм и стереотипов самовыражения индивида» [Юдин, 1997. С. 292].

Если под деятельностью понимать целесообразное поведение, а цель трактовать как «способ обращения к контролирующим переменным» [Skinner, 1953. Р. 88], то понятие деятельности может найти свое место и в бихевиорологии. Еще один возможный путь – отождествление деятельности с поведением. Подобная точка зрения в отечественной психологии представлена Д. Н. Узнадзе [1997], который возникновение поведения связывал с направлением индивидом своих сил на окружающую действительность с целью удовлетворения некоторой потребности. Но если в радикальном бихевиоризме

предлагается деятельность отождествить с поведением, то Уотсону, напротив, поведение отождествляется с деятельностью. В любом случае, понятие деятельности по своему значению часто совпадает с понятием поведения.

В итоге, поведение оказывается достаточно сложным явлением, понимание которого варьирует даже в рамках бихевиоризма. Далее рассматривается эволюция единиц анализа поведения в нементалистских вариантах бихевиоризма, что позволит более отчетливо представить его природу.

Бихевиоризм Дж. Уотсона: рефлекс

С точки зрения *методологического бихевиоризма* Уотсона подлинным предметом психологии (человека) является поведение человека от рождения и до смерти. При этом первичным предметом изучения и исходными данными выступают такие элементы поведения, как мышечные движения или секреция желез. Явления поведения могут быть наблюдаемы точно так же, как и объекты других естественных наук. Следовательно, в психологии могут быть использованы те же общие методы, которыми пользуются в естественных науках. И поскольку при объективном изучении человека бихевиорист не наблюдает ничего такого, что он мог бы назвать сознанием, чувствованием, ощущением, воображением, волей, постольку он больше не считает, что эти термины указывают на подлинные феномены психологии. Уотсон неизбежно приходит к заключению, что все эти термины могут быть исключены из описания деятельности человека, этими терминами старая психология продолжала пользоваться потому, что эта старая психология, начавшаяся с Вундта, выросла из философии, а философия, в свою очередь, из религии. Другими словами, этими терминами пользовались потому, что вся психология ко времени возникновения бихевиоризма была менталистской. Сознание и его подразделения являются поэтому не более как терминами, дающими психологии возможность сохранить – в замаскированной, правда, форме – старое религиозное понятие «души».

Уотсон отмечает: «Никто никогда не видел его [сознание], не трогал, не нюхал, не пробовал на вкус, не двигал. Это лишь до-

пущение, и такое же бездоказательное как древняя концепция души. И для бихевиориста эти два термина по существу идентичны» [Watson, 1929].

Критики бихевиоризма в ответ на это презрительно называют бихевиоризм «психологией без психики». Не менее презрительно бихевиористы называют тех, кто с ними не согласен, «дефис-психологами», призывая предоставить им хотя бы одно доказательство реального существования сознания. Ко времени Уотсона все они, по существу, сводились к *argumentum ad hominum*, наподобие следующего: «Сознание – о, да, каждый должен знать что такое “сознание”» [Ibid.].

Наблюдения за поведением могут быть представлены в форме стимулов (S) и реакций (R). Уотсон отмечал, что простая схема *рефлекса* $S \rightarrow R$ вполне пригодна в данном случае. Задача психологии поведения является разрешенной, если известны и стимул, и реакция. Но, несмотря на объявленную задачу свести поведение к единичным парам $S \rightarrow R$, Джон Уотсон утверждал, что бихевиористы должны изучать поведение организма в целом. Поэтому он вводит термин «акт», который рассматривается в терминах достижения целей. И все же, родоначальник бихевиоризма считает, что все акты поведения – вне зависимости от их сложности – могут быть сведены к моторным или железистым реакциям низшего уровня. Уотсон однозначно заявляет: «Бихевиористская психология базируется на рефлексах, также как и нейрофизиологические науки» [Ibid.].

Займствовав у Павлова понятие обусловливания и условного рефлекса, основоположник бихевиоризма категорично (что и явилось его главным промахом, исправленным, впрочем, последующими концепциями в рамках поведенческой парадигмы) свел всю психологию только к ним: «Порядок во вселенной – простое следствие обусловливания» [Ibid.].

В своем обзоре мы ограничимся лишь некоторыми схемами, предложенными Уотсоном, тем более что они достаточно широко известны (рис. 1).

Первоначально существуют лишь безусловные реакции – (U)R, вызываемые безусловными стимулами – (U)S:

(U)S ————— (U)R

После обусловливания (сочетания безусловного стимула с произвольным условным) безусловная реакция становится условной, вызываясь уже прежде нейтральными стимулами.

Признавая возможность сколь угодно сложных сформированных условных реакций, Уотсон также вводит понятия «*комплексный стимул*» и «*интегрированный ответ*». Суть первого заключается в том, что только одновременное воздействие нескольких стимулов может вызвать необходимый ответ. А суть второго состоит в том, что действие стимула вызывает некоторую совокупность последовательных реакций. Таким образом, поведение, с точки зрения Уотсона, должно анализироваться как цепь, стоящая из звеньев $S \rightarrow R$.

Вероятно, этот вариант бихевиоризма интересен лишь в историческом аспекте, но – как это ни удивительно – до сих пор многочисленные источники, особенно русскоязычные, отождествляют бихевиоризм вообще с бихевиоризмом Уотсона. Для нас же одним из важнейших его достижений является то, что Уотсон предложил построить психологию на основе научной терминологии. Он считал, что нельзя создать истинные концепции, используя термины, пришедшие из философии и религии, термины, не прошедшие критического анализа. Кредо уотсоновского бихевиоризма сам его создатель выразил следующими словами: «Бихевиоризм – молодое вино, которое нельзя разливать в старые бутылки» [Watson, 1929].

Бихевиоризм Дж. Р. Кантора: сегмент поведения

Система Кантора, интербихевиоризм, зародилась ранее радикального бихевиоризма Скиннера. В 1924 г. вышла книга родоначальника интербихевиоризма «Принципы психологии».

Строго говоря, систему Кантора часто не включают в бихевиористскую парадигму, что обусловлено значительными различиями в методологии науки. Но, тем не менее, мы считаем возможным включить интербихевиористов в бихевиоризм вообще, поскольку они репрезентируют себя посредством организаций, представляющих анализ поведения. И, кроме того, самый влиятельный бихевиорист – Б. Ф. Скиннер – относит

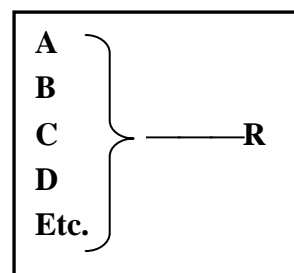

Рис. 1. Схема рефлекса
в методологическом бихевиоризме
Дж. Уотсона

Кантора к этому научному сообществу, выражая ему признательность за годы сотрудничества в Университете Индианы: «Еще один бихевиорист, чьей дружбой я дорожу, – Дж. Р. Кантор. В наших с ним дискуссиях в Индиане я получил много пользы от его экстраординарной эрудиции. Он убедил меня, что я еще не изгнал всех “призраков” из моего мышления» [Skinner, 1967. P. 167].

Как видим, косвенно Кантор способствовал и становлению системы радикального бихевиоризма.

Хотя Э. Варгас отмечает, что Кантор «к несчастью, остался пойманным в физикалистскую “S-R” систему [и] никогда не понимал скиннеровской “R-S” системы»¹, основатель интербихевиоризма отказался от понятия рефлекса как базовой категории и предложил *сегмент поведения* в качестве таковой. Дефиниция, которую Кантор дает этому термину, включает в себя следующих два момента: во-первых, это интегрированная система факторов, а во-вторых, это конкретная полевая структура, состоящая из противостоящих элементов. Кантор отмечает: «Сегмент поведения, являющийся единицей психологического события, центрируется вокруг функции реакции (rf) и функции стимула (sf); первая идентифицируется с действиями организма, вторая – с действиями стимульного объекта» [Kantor, 1959. P. 15–16].

Функции стимула делятся на:

- *прямые*, когда действие вызывается непосредственно стимулом, на который оно направлено;

¹ Из личной переписки автора с Э. Варгасом, 2003 г.

▪ *замещающие*, когда один стимул инициирует действие вместо другого. Например, вы смотрите на часы и решаете, что вам пора идти сдавать экзамен. В этом случае вас стимулирует не экзамен, а заменяющие его часы.

Функция реакции обозначает значение действия для организма, его выполняющего. Очевидно, что одна и та же реакция может выполнять разные функции. Например, мы можем уехать из пункта А в пункт В, но в одном случае мы просто прогуливаемся, а в другом, допустим, хотим навестить кого-то.

Дж. Р. Кантор предлагает схему сегмента поведения (рис. 2). Данная схема поведенческого сегмента представляет собой, согласно некоторым ученым [Stephenson, 1977; Смит, 2003], чрезвычайно плодотворную научную схему анализа конкретных элементов (как организмов, так и объектов), участвующих в каком-либо психологическом событии.

Свою концепцию интербихевиорального поля Кантор резюмировал в следующей описательной формуле [Смит, 2003. С. 268]:

$$PE = C (k, sf, r, rf, hi, st, md),$$

где PE – психологическое событие; C – все поле; k – специфическое событие; sf – функция стимула; r – реакция; rf – функция реакции; hi – история интеракций; st – сеттинг; md – контактная среда.

Стоит отметить также взгляды Кантора на причинность. Кантор отказывается, по сути, от понятий «каузальность» и «детерминация»: «...не нужно постулировать...

внутренние толчки или внешнее притяжение, самокаузальность или побудительные причины. Все это не наблюдаемые события, а конструкты, которые были навязаны событиями. Короче говоря, в интербихевиоральном подходе организм не вызывает собственное поведение, как не вызывает поведение и среда... Не постулируется никакой силы, называемой волей или детерминизмом, которую надо было бы рассматривать» [Там же. С. 264].

Иными словами, в интербихевиоризме происходит отказ от концепции детерминации. Это вполне соответствует тезису Кантора о том, что психология должна быть освобождена от всех философских систем [Kantor, 1959]. Только что предлагается взамен?

Бихевиоризм Б. Ф. Скиннера: оперант

Определяя поведение как «то, что создает организм и что можно наблюдать», как ту «часть функционирования организма, которая взаимодействует с внешним миром и воздействует на внешний мир» (цит. по: [Гулина, 2001. С. 94]), Скиннер в качестве аналитической единицы предлагает *оперант*. Оперант противостоит рефлексу в схеме классического обусловливания. Другими словами, основная единица анализа поведения в радикальном бихевиоризме отличается от единицы, предложенной Уотсоном. Оперантное поведение, которое предполагает, что организм *активно* воздействует на окружение, с целью изменить события

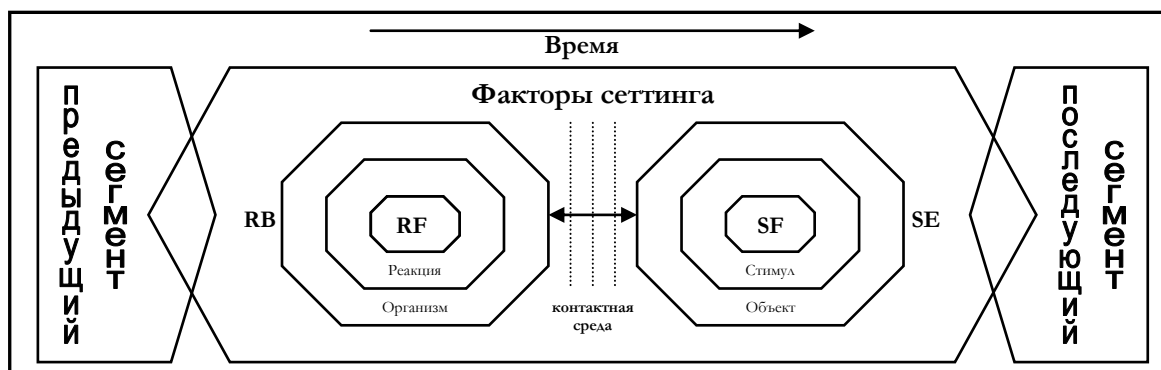

Рис. 2. Схема сегмента поведения в интербихевиоризме Дж. Кантора [Kantor, 1974]: RB – история взаимодействий (*Reactional Biography*), RF – функция реакции (*Response Function*), SE – эволюция стимула (*Stimulus Evolution*), SF – функция стимула (*Stimulus Function*)

каким-то образом, *определяется событиями, которые следуют за реакцией*. Хотя часто считается, что оперант Скиннера может быть описан в терминах двухчленной ассоциации между поведенческими элементами, называемыми ответами, и средовыми элементами, называемыми последствиями, Данная цепь, однако, не может быть полной без предшествующего (дискриминативного) стимула. Таким образом, мы получаем трехчленную ассоциацию, которую можем обозначить схематически (рис. 3).

На рис. 3 $S^{Discrim}$ – это дифференцировочный (сигнальный) стимул, R_{Op} – оперантная реакция (поведенческий ответ), S^{Reinf} – подкрепляющий стимул, Con – последствия, C – добавочные факторы, без которых возникновение последствий было бы невозможным. Сплошные круги обозначают явные элементы, а разорванные – неявные. Очевидно, что положительные последствия автоматически становятся подкреплениями ($Con = R^{Reinf}$), а если в понятие «подкрепляющий стимул» включить и аверсивные подкрепления, тогда для любого случая это равенство является истинным. Также можно заметить, что $S^{Discrim}$ является одним из добавочных факторов (C). Оперант, следовательно, указывает на *класс ответов*.

Что касается подкреплений, то Скиннер указывал на необходимость различать по-

ложительное подкрепление, наказание и отрицательное подкрепление, заключающееся в удалении стимула, повышающего вероятность повторения реакции.

Отмечая важность оперантов для анализа поведения, Скиннер, однако, не отказывается использовать и категорию «рефлекс». Мы уже указывали на различия в связи между стимулом и реакцией в респондентной и оперантной моделях поведения [Фёдоров, 2007], поэтому здесь лишь кратко обозначим следующее. С точки зрения Скиннера, при респондентном обусловливании связь между стимулом и реакцией является *необходимой* (т. е. стимул с необходимостью вызывает реакцию), а при оперантном обусловливании детерминация является *вероятностной*. Такая связь в радикальном бихевиоризме называется «контингенцией», что подчеркивает случайность ее образования. Таким образом, понятия «оперант» и «контингенция» становятся основными в модели отбора по последствиям (*selection by consequences*), в которой детерминирующей ролью наделяется не предшествующий стимул (как при респондентном поведении, $S \rightarrow R$), а последствия. Скиннер писал: «Человеческое поведение контролируется изменением окружающих условий. Этот контроль является вероятностным. Организм не принуждается к определенному поведению,

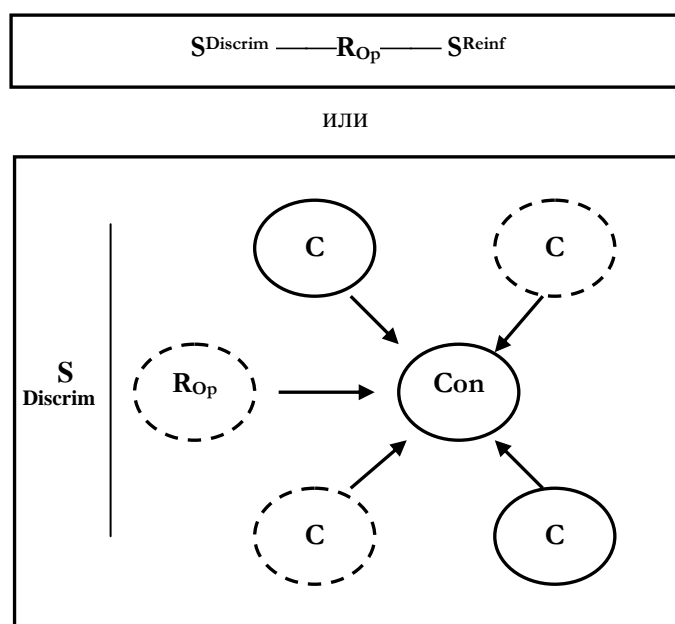

Рис. 3. Схема операнта в радикальном бихевиоризме Б. Ф. Скиннера

просто становится более вероятным, что он будет вести себя определенным образом» [Skinner, 1973. P. 259].

В рамках радикального бихевиоризма важной представляется и критика Скиннером когнитивной психологии, которую он сравнивал с теорией творения. В работе «Истоки когнитивного мышления» [Skinner, 1989] Скиннер убедительно доказывает, что все ныне нагруженные ментальным смыслом термины («мышление», «восприятие», «чувствование», «разум», «ожидание», «желание» и т. д.) ранее относились к поведению, к тому, что человек делает. А трансформация их содержания произошла непосредственно под влиянием когнитивно-ориентированных теорий. Этот анализ частично пересекается с анализом Райла, который старался показать, что «когда мы описываем людей как обнаруживающих определенные способности сознания, мы не обращаемся к скрытым эпизодам, следствием которых являются внешне наблюдаемые поступки и высказывания; мы обращаемся к самим этим поступкам и высказываниям» [Райл, 1999. С. 34].

* * *

Поведение – сложный феномен, который не может быть отождествлен, как это часто делается, только с внешне наблюдаемыми действиями, поскольку существуют личные события, часть из которых является скрытым поведением (не доступным для публичного наблюдения). Сложность понятия «поведение» приводит к тому, что в рамках даже одной парадигмы (бихевиористской) предлагаются разные единицы для ее анализа. В статье нами были проанализированы следующие единицы: «рефлекс», «сегмент поведения» и «оперант». Было показано, что в рамках бихевиоризма Уотсона поведение ошибочно сводится только к моторным или железистым реакциям. Было указано на то, что в рамках интербихевиоризма происходит отказ от детерминации, которая ошибочно понимается только как «внутренние толчки или внешнее притяжение». В рамках радикального бихевиоризма основной единицей анализа поведения становится «оперант», который определяется событиями, следующими за реакцией.

Список литературы

Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения / Выготский Л. С. Психология. М.: Изд-во «ЭКМО-Пресс», 2000. С. 233–248.

Гулина М. А. Терапевтическая и консультативная психология. СПб.: Речь, 2001.

Демин М. В. Природа деятельности. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М.: Мысль, 2001.

Психоаналитические термины и понятия: Словарь / Под ред. Б. Э. Мура, Б. Д. Файна. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.

Райл Г. Понятие сознания: Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

Смит Н. В. Современные системы психологии / Пер. с англ.; под ред. А. А. Алексеева. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.

Узнадзе Д. Н. Теория установки. М.; Воронеж, 1997.

Фёдоров А. А. Категория причинности в радикальном бихевиоризме // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Психология.* 2007. Т. 1, вып. 1. С. 20–25.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М.: Сов. энциклопедия, 1983.

Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь // *Вопр. психологии.* 1995. № 4. С. 5–18.

Kantor J. R. *Interbehavioral Psychology.* Ohio: Principia, 1959.

Kantor J. R. *Interbehavioral Psychology: How Related to the Experimental Analysis of Behavior // En Aportaciones al Análisis de la Conducta: Memorias del Primer Congreso, Mexico, 1974. P. 15–22.*

Skinner B. F. *An Autobiography // A History of Psychology in Autobiography / Eds. G. Boring, G. Lindzey. N. Y.: Appleton Century-Crofts, 1967.*

Skinner B. F. *Answers for My Critics // Beyond the Punitive Society / Ed. by H. Wheeler. San Francisco: Freeman, 1973. P. 256–266.*

Skinner B. F. Science and Human Behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.

Skinner B. F. The Origins of Cognitive Thought // American Psychologist. 1989. Vol. 44. P. 13–18.

Stephenson W. Factors as Operant Subjectivity // Operant Subjectivity. 1977. Vol. 1. P. 3–16.

Watson J. B. Behaviorism – the Modern Note in Psychology // Watson J. B., MacDou-

gall W. The Battle of Behaviorism. 1929. URL: <http://psychclassics.yorku.ca>

Watson J. B. Psychology as the Behaviorist Views It // Psychological Review. 1913. Vol. 20. P. 158–177.

Материал поступил в редколлегию 24.03.2010

A. A. Fedorov

**THE EVOLUTION OF THE UNITS OF BEHAVIOR ANALYSIS WITHIN BEHAVIORISM:
WATSON, KANTOR, SKINNER**

This paper deals with the evolution of the units of behavior analysis within behavioristic conceptions of Watson, Kantor and Skinner. In addition, behavior itself is analyzed. A category «behavior» is related to other categories (such as activity).

Keywords: behavior, radical behaviorism, interbehaviorism, activity, reflex, operant, Skinner, Watson, Kantor.